В. М. ИСТРИНЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, ПОЧТОВАЯ, № 43.
1903.

Печатано на основаніи постановленія Правленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

Предсѣдатель Общества Проф. *И. И. Лапшинъ.*

Русская литература второй половины XVII вѣка представляетъ столько новаго по сравненію съ литературой предшествующаго времени, что она по справедливости является новымъ періодомъ въ ея исторіи. Было время, когда русская литература XVII вѣка относилась къ древнему періоду и ставилась въ непосредственную связь съ литературой XVI вѣка. Но перемѣны во взглядахъ на исторію литературы, цѣлый рядъ новыхъ открытій и слѣдовавшихъ за ними изысканій—разрушили этотъ взглядъ. Благодаря этимъ двумъ причинамъ выяснилось, что, во-первыхъ, литература Петровскаго времени тѣсно связана съ литературой XVII вѣка, что, во-вторыхъ, литература XVII вѣка получаетъ новый характеръ со второй его половины, и что, въ третьихъ, причина появленія новаго характера литературы лежитъ въ вполнѣ опредѣлившемся западномъ вліяніи. Слѣдовательно, со второй половины XVII вѣка и начинается новый періодъ русской литературы.

Литература второй половины XVII в. характеризуется нѣсколькими явленіями, которыя кладутъ на нее рѣзкій отпечатокъ. Иныя явленія коренятся въ предшествующемъ времени и могутъ быть прослѣжены съ XV в., а иныя—являются вновь и указываютъ на измѣнившееся теченіе русской жизни подъ вліяніемъ новаго, западнаго духа. Явленія, характеризующія вторую половину XVII в. въ области литературы, суть слѣдующія: 1) расколъ, 2) борьба великорусскихъ ученыхъ съ малорусскими изъ-за вопроса о томъ,

какое направленіе должна принять русская жизнь—старое-ли, византійское, или новое—латинско-польское; 3) появленіе новыхъ формъ литературныхъ произведеній — драмы, мистеріи, силлабическихъ виршъ, и 4) наплывъ новой повѣствовательной литературы съ нѣмецкаго, польскаго, латинскаго языковъ. Новые литературные факты второй половины XVII вѣка не являются совершенно новыми: они подготовлялись много ранѣе, и только лишь театръ не имѣлъ корней въ прошломъ русской жизни. Всѣ же остальныя явленія могутъ быть поняты только лишь въ связи съ предшествующей эпохой. Западное вліяніе, выразившись вполнѣ ясно въ половинѣ XVII вѣка, зародилось гораздо раньше и тогда уже вызвало отрицательное къ себѣ отношеніе со стороны части общества. Съ теченіемъ времени мѣнялись только роли, и вчерашніе защитники старины сегодня становились нововводителями. Для западнаго вліянія настало благопріятное время въ XVII вѣкѣ, но всѣ благопріятныя для того условія выработаны были раньше, а сами условія являлись слѣдствіемъ всей измѣнившейся русской жизни. Поэтому литературныя явленія второй половины XVII вѣка могутъ быть поняты только въ томъ случаѣ, если будутъ поставляемы въ связь какъ съ литературой прошлаго времени, такъ и съ новыми условіями русской жизни. Необходимо, поэтому, прежде чѣмъ излагать исторію литературныхъ явленій второй половины XVII вѣка, указывать на главнѣйшіе факты предшествующаго времени, имѣющіе непосредственное отношеніе къ фактамъ разсматриваемаго времени, иначе — необходимо указывать главныя исключительныя свойства русской литературы XV и XVI вѣковъ.

Древне-русская литература, характеризуемая византійскимъ на нее вліяніемъ, можетъ быть подраздѣляема на духовную и свѣтскую. Но строгой границы провести между той и другой нельзя. Часть духовной литературы, какъ напр. житія, имѣли для русскаго человѣка значеніе не только душеспасительнаго, но и занимательнаго чтенія. Наоборотъ, какая нибудь свѣтская повѣсть, напримѣръ, о подвигахъ Александра Македонскаго, носитъ моральный характеръ. Такія книги, какъ Прологъ или Измарагдъ, являются настольными книгами русскаго

человѣка, а въ рукописныхъ сборникахъ мы постоянно встрѣчаемъ рядомъ съ какимъ-нибудь поученіемъ и какую-нибудь повѣсть, или апокрифъ, или выдержку изъ апокрифа. Духовная жизнь тѣсно сплеталась съ жизнью гражданской, и духовные интересы не отдѣлялись отъ интересовъ повседневной жизни. Поэтому, культурно-историческія явленія, которыя исторія литературы отмѣчаетъ какъ важные факты въ умственной жизни народа, имѣли мѣсто въ церковной сферѣ. Таковы, напримѣръ, ереси. Церковно-религіозная жизнь русскаго народа не измѣнилась и въ XVII вѣкѣ, и, поэтому, всѣ новыя явленія совершаются на половину въ церковной же сферѣ. И здѣсь, чисто-богословская сторона культурно-историческихъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ церковной сферѣ, историка литературы не будетъ интересовать: ему будетъ необходимо выяснить лишь, насколько въ новомъ фактѣ отражается новое міровоззрѣніе. Напр. въ концѣ XVII вѣка русскіе умы сильно были заняты вопросомъ о времени такъ называемаго пресуществленія даровъ т. е. о времени, когда, по ученію церкви, хлѣбъ и вино дѣлаются тѣломъ и кровію Христовой. По этому поводу было написано не мало трактатовъ. Исторія литературы оставитъ совершенно въ сторонѣ содержаніе этихъ трактатовъ, но она должна будетъ указать на то, что въ этомъ спорѣ сказалась существенная сторона русской культурной жизни. Подъ чисто-догматическимъ вопросомъ о времени пресуществленія даровъ лежалъ другой, болѣе существенный вопросъ: идти-ли Руси по старой дорогѣ, вслѣдъ за Византіей, или порвать съ ней и принять новую культуру—западную, латинско-польскую.

То же должно сказать и о расколѣ. Расколъ—также прежде всего церковно-религіозное явленіе, и съ этой стороны онъ не подлежитъ вѣдѣнію исторіи литературы. Но расколъ имѣетъ важное значеніе для внутренней жизни русскаго народа, и съ нимъ связано цѣлое міровоззрѣніе, обнимающее всѣ стороны жизни—общественной, семейной, умственной и т. п. Расколъ выдвинулъ рядъ замѣчательныхъ личностей, какъ напр. Аввакума, въ лицѣ котораго мы видимъ какъ-бы олицетвореніе всѣхъ древне-русскихъ понятій и сочиненія котораго даютъ богатѣй-

шій матеріалъ для сужденія о томъ, что̀ новаго въ умственной и общественной жизни русскаго общества наблюдалось во второй половинѣ XVII вѣка. Внутренніе вопросы раскола лежатъ глубоко въ прошедшемъ и доходятъ до настоящаго времени. Раскольники обновили не мало старыхъ легендъ, какъ напримѣръ, легенды о послѣднихъ дняхъ царства, объ антихристѣ. Обширная раскольничья литература по этимъ вопросамъ опирается на старыя легенды, идущія изъ Византіи, и когда раскольники старались доказать, что конецъ міра близокъ и что антихристу суждено явиться въ Москвѣ, они оживляли лишь старыя сказанія, возникшія на Руси въ XV—XVI вѣкахъ. Возникшее затѣмъ ученіе о самоистребленіи дало матеріалъ для обширной устной раскольничьей литературы, перешедшей границы XVII вѣка и не исчезнувшей и до сихъ поръ. Масса народа, слѣдовательно, пришла въ движеніе. Церковно-историческое значеніе раскола тѣсно соединяется съ культурно-бытовымъ, и исторія литературы должна особенно останавливаться на расколѣ, какъ явленіи народномъ. XVII вѣкъ далъ обильную пищу разстроенному воображенію раскольника и, въ свою очередь, вызвалъ новый рядъ произведеній, отъ чисто догматическаго до сатирическаго, въ родѣ лубочной картины съ текстомъ «какъ мыши кота погребаютъ».

Расколъ есть борьба старины съ новшествомъ. Но эта борьба не ограничивается расколомъ. Въ расколѣ мы видимъ борьбу двухъ неодинаковыхъ по образованію партій: партія нововводителей является передовой, по тогдашнему времени достаточно образованной; партія приверженцевъ старины представляетъ собой толпу начетчиковъ въ духѣ древне-русскаго періода, невѣжественныхъ, не желающихъ никакой науки. Но рядомъ съ этимъ въ обществѣ идетъ другая борьба, и дѣйствующими лицами въ ней являются передовые люди тогдашней Руси, ученые, владѣющіе языками. Эта борьба раздѣлила все лучшее тогдашнее общество, духовное и свѣтское, на два лагеря. Борьба шла какъ-будто изъ-за того, какой языкъ полезнѣе для русскихъ—греческій или латинскій, но изъ-за борьбы за языкъ виднѣлась та же борьба старины и новизны. Вопросъ былъ,

дѣйствительно, важенъ. Если необходимъ греческій языкъ, то нужно открыть школы съ греческимъ языкомъ т. е. пригласить учителей грековъ и, слѣдовательно, остаться при томъ научномъ багажѣ, которымъ пробавлялись и раньше. Если же необходимъ латинскій языкъ, то надо открыть школы латинскаго языка и вмѣстѣ съ этимъ открыть доступъ иноземцамъ и подчиниться ихъ культурному вліянію. Борьба эта старая, но характеръ ея иной. Если еще въ XVI вѣкѣ происходила борьба стараго съ новымъ, то «новшествамъ» противополагалась «своя старина», которая, по выраженію ревнителей благочестія, «поисшаталась». Теперь же, во второй половинѣ XVII вѣка «новшествамъ», западному вліянію, противополагается не своя старина, а восточная, греческая наука. Ревнители видятъ спасеніе не въ старинѣ, а въ наукѣ, и только лишь отличаются отъ своихъ противниковъ тѣмъ, что желаютъ для русскихъ людей науки восточной, а не западной. Борьба двухъ партій перешла и въ XVIII вѣкъ. Борьба эта выразилась во множествѣ полемическихъ трактатовъ и догматическихъ сочиненій, которые для историка литературы интересны, конечно, не догматической стороной, а идейной. Чѣмъ-то новымъ уже отзывается отъ всей этой полемической литературы, явившейся во время спора двухъ партій—западниковъ и восточниковъ. Часть общества открыто признаетъ превосходство западнаго ученія передъ восточнымъ и, хотя стоитъ все еще на почвѣ церковно-религіозной, однако, видитъ въ западномъ ученіи не поддержку православія, но—средство образованія.

Русская литература второй половины XVII вѣка обыкновенно начинается съ изложенія литературы юго-западной. Но послѣдняя не можетъ считаться какъ предшественница литературы Московской, и мы должны касаться ея лишь по мѣрѣ ея соприкосновенія съ литературой Московской или по мѣрѣ частичнаго вліянія ея на послѣднюю. Изложеніе литературы юго-западной нарушаетъ цѣльность исторіи русской литературы, которая въ XV—XVI вѣкахъ сдѣлавшись литературой Московской, постепенно становилась литературой обще-русской. Юго-западная литература, будучи сама неоригинальной, внесла, съ своей сто-

роны долю содержанія и формъ въ литературу Московскую и, слѣдовательно, въ обще-русскую, но сама вызванная особыми условіями, тотчасъ же и прекратилась, когда исчезли самыя условія, вызвавшія ее. Поэтому, она можетъ составить предметъ особаго изложенія, но для литературы обще-русской она должна привлекаться лишь настолько, насколько, напримѣръ, привлекается французская литература при изложеніи русской Екатерининскаго времени, хотя и въ гораздо меньшей степени. Юго-западная литература развивалась въ двухъ направленіяхъ: въ полемическомъ противъ католичества и въ полукнижномъ—школьномъ въ видѣ новыхъ формъ литературныхъ произведеній. Тѣми и другими воспользовались и въ Москвѣ, отчасти пользовались и самыми произведеніями, но послѣдними—въ незначительной степени. Важнѣе былъ самый пріемъ, который вносился въ литературу юго-западными выходцами, пріемъ схоластическій, рѣзко отличавшій юго-западныхъ ученыхъ отъ московскихъ. Постепенно онъ привился и въ Москвѣ.

Такимъ образомъ, русскую литературу второй половины XVII вѣка нужно ставить въ связь съ литературой московской XV и XVI вѣковъ, и при ея изложеніи нужно различать двѣ стороны: во-первыхъ, въ чемъ заключается упомянутая связь двухъ періодовъ и, во-вторыхъ, чѣмъ объясняется новое направленіе во второмъ періодѣ.

Три явленія должны быть отмѣчены какъ наиболѣе характерныя для XV вѣка—это 1) такъ сказать, разцвѣтъ византійской церковной литературы, разцвѣтъ византійскаго вліянія, послѣ котораго оно начинаетъ клониться къ упадку; 2) появленіе мистицизма и возникшая борьба двухъ направленій, борьба, извѣстная подъ именемъ борьбы іосифлянъ съ заволжскими старцами; и 3) развитіе идеи третьяго Рима т. е. развитіе идеи преемства Москвой византійскихъ политическихъ и церковныхъ прерогативъ и низведеніе идеи вселенской церкви до предѣловъ церкви русской.

Что касается перваго явленія, то XV вѣкъ можетъ быть названъ разцвѣтомъ византійскаго вліянія по сравненію съ слѣдующимъ XVI вѣкомъ. Произведенія XVI вѣка говорятъ намъ

уже о вліяніи запада. Въ произведеніяхъ же XV в. вліянія запада еще нѣтъ. Мы видимъ полное господство старой церковной литературы, которая подъ рукой русскаго читателя перерабатывается въ разнообразныя формы. Къ этому вѣку относится рядъ памятниковъ, которые представляютъ собой компиляціи изъ старыхъ источниковъ. Къ этому же времени относится составленіе обширнаго индекса истинныхъ и ложныхъ книгъ, обнимающаго всю тогдашнюю литературу. Западные обычаи, очевидно, еще не приходили, и потому мы не слышимъ протестующихъ голосовъ; наоборотъ, все опирается на старое церковное преданіе. Даже возникшая борьба между лучшими людьми тогдашняго времени изъ-за вопроса объ отношеніи къ еретикамъ—жидовствующимъ велась съ обѣихъ сторонъ при помощи стараго, византійскаго матеріала.

Вторая половина XV вѣка была критическимъ моментомъ перехода древней Руси въ ея московскій періодъ; въ это время подготовлялось объединеніе Руси, коснувшееся всѣхъ сторонъ жизни—и политической, и церковной, и умственной. Самостоятельность областей падала, а съ паденіемъ Византіи и съ уничтоженіемъ татарскаго ига вырабатывалось новое представленіе о московскомъ государствѣ, какъ единственно православномъ, и о московскомъ царѣ, какъ о самомъ могущественномъ. Въ выработкѣ такого міровоззрѣнія играли роль и жизнь и литература. Жизнь XV вѣка дѣлается сложнѣе. Являются новыя понятія, которыя раздѣляютъ русское лучшее общество на два лагеря. Является борьба новыхъ воззрѣній со старыми, борьба, продолжающаяся и въ XVI вѣкѣ и одной своей стороной отражающаяся и въ явленіяхъ XVII в. Борьба двухъ направленій группируется около нѣсколькихъ личностей, изъ которыхъ одни стоятъ всецѣло на почвѣ *стараго* византійскаго ученія и своими сочиненіями вырабатываютъ тотъ консерватизмъ, который въ XVI вѣкѣ заставлялъ выступать на защиту старины, а въ XVII привелъ къ расколу, и которые, наконецъ, содѣйствуютъ выработкѣ взгляда на царя, какъ на защитника церкви. Другіе же вносятъ новыя начала, хотя и сами опираются также на византійское ученіе. Основными чертами ученія послѣднихъ являются: 1) мистицизмъ,

2) критическое отношеніе къ священному писанію и 3) гуманное отношеніе къ еретикамъ; всѣ три эти черты находятся между собой въ тѣсной связи. Эти положенія высказались въ спорахъ —по вопросу объ ереси жидовствующихъ и по вопросу о монастырскихъ владѣніяхъ. Новые взгляды не были выработаны русскими людьми самостоятельно, но находились въ непосредственной связи съ новымъ направленіемъ религіозно-умственной жизни, которое проявляется въ XIV—XV вв. во всей Европѣ, а въ томъ числѣ и въ Византіи съ Болгаріей и Сербіей. Это— мистицизмъ. Мистическое настроеніе, перешедши изъ Византіи въ Болгарію, отразилось и на литературѣ: XIV вѣкъ богатъ сборниками, въ которыхъ на ряду съ другими являются и статьи аскетическаго содержанія. Но кромѣ отрывочныхъ статей, въ рукописяхъ XIV—XV вв. мы находимъ переводы многихъ греческихъ исихастовъ, какъ Симеона Новаго Богослова, Максима Исповѣдника, Діадоха, Григорія Синаита и др. Какъ для Византіи, такъ и для Болгаріи мистицизмъ имѣлъ значеніе въ томъ отношеніи, что отчасти благодаря ему пробуждалось болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ дѣйствительности, а иногда даже критическое отношеніе. У людей являлось стремленіе дать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, разъяснить себѣ писаніе и выдѣлить изъ него все дѣйствительно хорошее. Являлось критическое отношеніе къ тексту священныхъ книгъ, а также и къ самому писанію, что впослѣдствіи въ устахъ Нила Сорскаго выражалось словами—«Писаній много, да не всѣ они божественны». Нилъ Сорскій старался изслѣдовать, что̀ отвѣчаетъ его разуму и что̀ нѣтъ, и что̀ согласно съ его разумомъ, то онъ, какъ говоритъ, и переписываетъ и тѣмъ поучается и въ томъ животъ и дыханіе имѣетъ. Если такъ, то слѣдовательно можно относиться критически къ церковнымъ авторитетамъ и провѣрять ихъ на основаніи разума. А если такъ, то не слѣдуетъ безусловно отрицательно относиться къ мнѣніямъ, высказываемымъ и въ настоящее время, и за несогласныя мнѣнія не слѣдуетъ предавать людей казнямъ. Люди противнаго направленія, какъ Іосифъ Волоцкій, наоборотъ, думаютъ, что даже и покаявшихся грѣшниковъ не должно миловать и что грѣшника или еретика все равно—убить-ли руками или молитвою. Онъ указываетъ на

Илью пророка, заклавшаго четырехъ жрецовъ, на Льва, епископа Катанскаго, который связалъ епитрахилью Леодора волхва и держалъ его въ огнѣ, пока волхвъ не сгорѣлъ и т. п. Различныя воззрѣнія тѣхъ и другихъ—іосифлянъ и заволжскихъ старцевъ—на священное писаніе и на еретиковъ особенно потому нужно замѣтить, что этимъ самымъ, какъ и многимъ другимъ, іосифляне роднятся съ вожаками раскола XVII вѣка. Черезъ два столѣтія Аввакумъ, столпъ раскола, ссылается на того же Льва Катанскаго въ подтвержденіе своихъ словъ—«хотя и попато врага Божія въ воду-ту посадилъ, и ты не согрѣшиши». А въ своемъ житіи, прося царя возстановить старину, Аввакумъ обнаруживаетъ то же крайнее стремленіе отомстить еретикамъ-никоніанамъ: «А что государь, кабы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ одинъ день, не осквернилъ бы рукъ своихъ, а освятилъ, чаю». Точно также сближается Іосифъ съ Аввакумомъ и въ своемъ консерватизмѣ относительно божественныхъ книгъ. Какъ Іосифъ представляетъ намъ собой типъ человѣка, воспитавшагося на всей древней русской литературѣ и свято принимающаго ея авторитетъ, хотя бы то были писанія сомнительныя, такъ точно и Аввакумъ весь пропитанъ древней русской литературой, безъ разбора—истинная ли она или апокрифическая. Для того и для другого одинаковую силу имѣютъ и евангеліе и апокрифъ Палеи. Посредствующими между этими типичными лицами въ этомъ отношеніи стоятъ лучшіе люди XVI вѣка, не дозволявшіе мірскому человѣку даже разсуждать о писаніи.

Третьимъ литературнымъ явленіемъ, характеризующимъ XV вѣкъ, было появленіе теоріи третьяго Рима. Эта теорія, выразившаяся и въ литературныхъ памятникахъ и отразившаяся въ историческихъ документахъ, глубоко вошла въ сознаніе русскаго человѣка и пережила не одно поколѣніе. Черезъ XVI вѣкъ она перешла и въ XVII, и въ концѣ его получила особое распространеніе, попавши въ среду раскольниковъ, гдѣ, осложнившись новыми подробностями, произвела обширную литературу. Созданіе теоріи третьяго Рима произошло изъ взаимодѣйствія двухъ силъ: старой литературной традиціи о Римѣ и

новыхъ историческихъ условій. Литературная традиція о Римѣ шла съ давнихъ поръ. Она связывалась съ старой идеей о золотомъ вѣкѣ, съ которой съ теченіемъ времени соединилась идея о концѣ міра. Придя съ востока, эта идея пріурочилась сначала къ Риму, къ *первому* Риму. Одинъ изъ Римскихъ царей долженъ устроить на землѣ вѣчный міръ. Всѣ царства будутъ побѣждены, явится одно всемірное царство, римское, и наступитъ золотой вѣкъ, послѣ котораго послѣдуетъ конецъ міра. Но Римъ палъ, и его значеніе перешло къ новому, *второму* Риму, Константинополю, и значеніе римскаго царства перешло къ царству византійскому. Императоръ византійскій явился олицетвореніемъ всемірнаго царства. Распространяется произведеніе эсхатологическаго содержанія, Откровеніе Меѳодія Патарскаго, въ которомъ рѣшительно заявляется, что греческое царство есть единственное христіанское царство, которое, какъ христіанское, никогда не погибнетъ, а когда придетъ конецъ міра, тогда послѣдній царь греческій самъ передастъ свой вѣнецъ и царство Богу. Но въ половинѣ XV вѣка Византія пала, и значеніе византійскаго царя, какъ единственно православнаго, естественно, должно было перейти къ другому царю. Но къ кому же оно могло перейти, какъ не къ царю единовѣрному, уже достаточно могущественному—а такимъ царемъ съ половины XV вѣка и могъ быть только великій князь Московскій. Во внутреннемъ развитіи русскаго государства уже ясно обозначились новыя условія. Татарское иго уже явно клонилось къ упадку. Московское княжество уже подчинило себѣ массу удѣльныхъ княжествъ и уничтожало новгородскую свободу. Великій князь Московскій у себя дома является уже самодержавнымъ правителемъ. Паденіе Византіи и бракъ Іоанна III съ Софіею Палеологъ, послѣдней представительницей византійскаго царственнаго дома — эти событія увеличивали только авторитетъ великаго князя, и въ умахъ современниковъ онъ былъ уже царемъ, наслѣдникомъ византійскаго царства. Москва являлась *третьимъ* Римомъ. Это идея—перенесеніе прерогативъ Византіи на Москву—отразилась прежде всего въ памятникахъ историческаго характера, гдѣ она выводилась путемъ умозаключеній со стороны книжныхъ людей. Но такое утверж-

деніе въ умахъ русскихъ людей мысли о преемствѣ Москвой значенія Византіи, утвержденіе только лишь путемъ умозаключеній оказалось недостаточнымъ. Народное творчество потребовало реальнаго осуществленія факта передачи, и вотъ создается рядъ легендъ, повѣствующихъ о томъ, какъ величайшія святыни, бывшія раньше въ Римѣ или въ Константинополѣ, теперь сами собой, божьими судьбами, переходятъ въ Москву. Такъ создаются легенды о перенесеніи императорскихъ регалій въ Москву, каковыя сказанія опираются на старое «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ». Такимъ образомъ, теорія о третьемъ Римѣ, проповѣдуемая книжными людьми, нашла себѣ подкрѣпленіе и въ полународной литературѣ: она проникла въ народъ, перешла въ XVI вѣкъ и пріурочилась къ Іоанну Грозному. Но въ XVI вѣкѣ понятіе о преемственности начинаетъ раздваиваться. Политическое значеніе стало отдѣляться отъ религіознаго. Если по горячимъ слѣдамъ, тотчасъ послѣ паденія Византіи, русскаго человѣка могла интересовать сказка о передачѣ власти византійскимъ царемъ царю русскому, то съ теченіемъ времени, когда представленіе о царѣ Московскомъ, какъ объ единственно могущественномъ царѣ «всѣмъ христіанамъ», укрѣпилось, тогда перестала льстить сама мысль о фактѣ передачи. Самъ Грозный придавалъ особенное значеніе не передачѣ царскихъ регалій, а своему мнимому происхожденію отъ Пруса. Но если въ политическомъ отношеніи наслѣдство Византіи перестало имѣть значеніе, то въ отношеніи религіозномъ теорія третьяго Рима имѣла длинную исторію: она отразилась въ расколѣ XVII в. и стояла въ связи съ отношеніемъ въ томъ вѣкѣ русскихъ людей къ грекамъ. Раскольники прежде всего воспользовались теоріей третьяго Рима для своего ученія о близкомъ концѣ міра. Четвертому Риму не быть, слѣдовательно, пока Москва православна, до тѣхъ поръ и будетъ стоять міръ. Она будетъ православна, если будетъ держаться за старину. Но въ ней началось исправленіе книгъ, въ чемъ усмотрѣли вліяніе латинства; «ученики Никона хотятъ, слѣдовательно, чтобы никто не остался въ прежней православной вѣрѣ; это же есть послѣднее знаменіе пришествія антихриста». Такимъ образомъ, одно изъ явленій XVII

вѣка, расколъ, стоитъ въ непосредственной связи съ литературными явленіями XV вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о «вселенской церкви стало заключаться въ предѣлы церкви русской». Въ XV вѣкѣ «складывалось и крѣпло убѣжденіе у русскихъ людей, что другіе христіанскіе народы, отпавшіе отъ православія, теряютъ свою самостоятельность». ПослѣФлорентійской уніи греки упали въ глазахъ русскихъ; а когда Константинополь былъ взятъ турками, то русскіе люди, естественно, усмотрѣли въ этомъ Божіе наказаніе за отступленіе отъ православія. Русская же земля, наоборотъ, свергла иго татарское, ибо твердо сохраняла свое православіе. Отсюда выводъ, что Москва есть единственно православное государство, а греческое православіе подернуто латинствомъ. Составившееся такого рода убѣжденіе имѣло важное значеніе для всего послѣдующаго времени. Во первыхъ, истинно православной стала считаться только старина русская. Во-вторыхъ, съ этимъ представленіемъ связывается дальнѣйшая борьба греческаго и латинскаго вліянія. Помимо того, что это недовѣріе къ грекамъ было одной изъ причинъ, почему на раскольниковъ не дѣйствовали ссылки на греческія книги—помимо этого, и въ происшедшей борьбѣ между лучшими людьми русскаго общества изъ-за направленія это убѣжденіе стало играть немалую роль. Когда противники латинскаго ученія обвиняли защитниковъ его въ ереси, послѣдніе, въ свою очередь, указывали, что греки не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ сами погубили свое православіе. Обширная литература XVII вѣка и въ этомъ отношеніи имѣетъ свои корни въ событіяхъ XV вѣка.

XVI вѣкъ, съ одной стороны, тѣсно связывается съ предшествующимъ вѣкомъ, съ другой—представляетъ такія явленія, которыя даютъ ему названіе переходной эпохи. Связь его съ предшествующимъ вѣкомъ выражается въ томъ, что явленія XV вѣка продолжаютъ свое развитіе и въ XVI, или видоизмѣняясь согласно новымъ условіямъ, или оказывая свое вліяніе на новыя явленія. Такъ борьба двухъ партій—іосифлянъ и заволжскихъ старцевъ—продолжается и въ XVI вѣкѣ и результатъ этой борьбы,—именно, побѣда іосифлянъ, отражается въ нѣкоторыхъ

постановленіяхъ Стоглаваго собора. Идея третьяго Рима также крѣпнетъ въ умахъ русскихъ людей, хотя эта идея подчиняется уже идеѣ русскаго самосознанія. Русскій царь, правда, есть наслѣдникъ царства греческаго, но онъ есть прежде всего царь русскій. «Хотя бы и Римъ старый—говорятъ бояре—и Римъ новый, царствующій градъ Византія начали прикладываться къ нашему государю, то какъ ему можно свое государство московское ниже какого-нибудь государства поставить?» Старое наслѣдство такъ вошло въ сознаніе русскаго человѣка, что онъ пересталъ его цѣнить, и лишь гордился тѣмъ, что Московское царство оставалось одно свободнымъ православнымъ царствомъ.

Но литература XVI вѣка имѣетъ и свои особенности, которыя находятся въ связи съ новыми явленіями въ жизни общественной и политической. Литература XVI вѣка характеризуетъ его, какъ эпоху переходную. Мы видимъ, прежде всего, переходъ отъ литературы мѣстной, областной къ литературѣ обще-русской или, точнѣе, великорусской. Она только еще выра, батывается, въ слѣдующемъ же вѣкѣ она является уже господствующей. Съ другой стороны, въ литературѣ замѣтно отражается борьба стараго, византійскаго направленія съ новымъ, западнымъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно въ пользу запада, но XVI вѣкъ проходилъ въ колебаніи. Въ XVI вѣкѣ въ литературѣ вырабатывалось закрѣпощеніе въ умахъ новыхъ общественныхъ и политическихъ отношеній и въ то же время сталкивались два міровоззрѣнія, отношенія которыхъ другъ къ другу еще не опредѣлились.

Литературные памятники XVI вѣка являются плодомъ господства двухъ идей — идеи общественнаго и умственнаго объединенія образовавшагося Московскаго государства и идеи освобожденія отъ господства византійскаго вліянія. Къ XVI вѣку было закончено политическое объединеніе Московскаго государства, каковое объединеніе и выразилось тотчасъ же въ литературѣ. Переписка Грознаго съ Курбскимъ есть, прежде всего, естественное слѣдствіе народившихся новыхъ условій политической жизни русскаго народа. Въ словахъ Іоанна видно твердое и непоколебимое убѣжденіе въ наступившемъ новомъ порядкѣ вещей; онъ ясно говоритъ: я одинъ, потому что русская земля едина.

Итакъ, русская земля стала едина. Это слитіе было пока лишь внѣшнимъ. Но вслѣдъ за этимъ не замедлило обнаружиться стремленіе и къ болѣе крѣпкому, внутреннему объединенію Судебникъ 1550 объединяетъ сложившееся Московское государство въ отношеніи права. Но особенно усиленныя стремленія замѣтны въ религіозномъ отношеніи. Мѣстные святые, которыхъ было довольно много по различнымъ областямъ, на двухъ соборахъ, 1547 и 1549 гг., дѣлаются святыми общерусскими, каковой фактъ важенъ, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что развилъ составленіе житій святыхъ. Вновь составленныя житія святыхъ были заносимы въ Макарьевскія Четьи-Минеи. Этотъ памятникъ имѣетъ громадное значеніе, и не столько по своему вліянію на тогдашнее общество, сколько потому, что даетъ намъ ясное указаніе на направленіе общества. «И въ тѣхъ Четьихъ-Минеяхъ... всѣ святыя книги собраны, которыя въ русской землѣ обрѣтаются». Собранъ весь русскій народъ воедино—собирается воедино и все умственное достояніе этого народа.

Общее направленіе духа въ исторіи русской литературы XVI вѣка проглядываетъ и въ сводной Макарьевской Кормчей. Этотъ сводъ соборныхъ и святительскихъ постановленій находится въ связи съ другими памятниками, какъ выражающій идею объединенія въ области церковнаго права. Составленіе въ XVI в. Подлинника, этого капитальнаго произведенія народнаго творчества, имѣетъ цѣлью представить систематическій сводъ подлинныхъ указаній для изображенія святыхъ. Ясно, что и здѣсь выражается та же идея: отнынѣ во всей единой Руси должны одинаково писаться иконы святыхъ по опредѣленнымъ образцамъ.

Завершеніемъ объединенія русскаго народа являются постановленія Стоглаваго собора. Изъ Стоглава мы видимъ, какъ политическое, внѣшнее объединеніе тѣсно связано съ объединеніемъ внутреннимъ. Послѣдними наиболѣе важными присоединенными къ Москвѣ областями были Новгородъ и Псковъ. Рѣзкія особенности, отличавшія Новгородъ и Псковъ отъ Москвы, съ одной стороны, небольшой еще періодъ совмѣстной политической жизни, въ который не успѣли згладиться эти особенности

—съ другой, являются причиной столь частаго сопоставленія московскихъ обычаевъ съ новгородскими и псковскими. Относя часть такихъ сопоставленій на долю митрополита Макарія, необходимо все таки признать, что, если бы не было многихъ отличій между Новгородомъ и Псковомъ, съ одной стороны, и Москвой —съ другой, и не было-бы общаго стремленія уничтожить по возможности эти мѣстныя отличія въ собранномъ воедино государствѣ, то и митрополитъ Макарій не сталъ бы возбуждать подобныхъ вопросовъ. Постоянныя постановленія «по всѣмъ градомъ, святымъ церквамъ въ митрополіи и въ архіепископьяхъ и въ епископьяхъ»..., «здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ и по волостемъ и по погостамъ и по селамъ»... —такія выраженія знаменуютъ собой идею объединенія Руси, которая завершается словами Іоанна: «всякому разногласію отныне далече быти повелѣваемъ, всякому же согласію и единомыслію содержатися въ нихъ».

Подъ тѣмъ же вліяніемъ создаются Степенная книга и отчасти Домострой. Послѣдній памятникъ по его употребленію можетъ быть названъ памятникомъ обще-русскимъ, гдѣ бы онъ ни возникъ. Онъ оказался пригоднымъ не для одного какого-либо лица, даже не для какой-либо опредѣленной части общества, но для всякаго христіанина, живущаго въ той обстановкѣ, которая выработалась всѣми условіями русской исторической жизни: въ спискахъ одной редакціи онъ и начинается словами—«поученіе и наказаніе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ».

Связь между литературой XVI вѣка и второй половины XVII съ этой стороны заключается въ томъ, что литература XVI вѣка представляется намъ уже литературой общерусской, или—что то же—великорусской, или наконецъ—что то же—московской. XVII в. видѣлъ сильную борьбу новыхъ идей со старыми, но эта борьба возникла на почвѣ старыхъ отношеній. Борьба эта, занявшая умы всѣхъ образованныхъ и не образованныхъ людей того времени, только потому и могла проявиться, что уже не существовали прежнія мѣстныя отличія, которыя могли бы отвлекать людей въ сторону. Государство было объединено: это объединеніе выразилось и въ литературѣ. Объеди

неніе умственное совершилось при помощи старыхъ средствъ: оно покоилось на итогахъ прошедшей жизни, вырабатывавшихся подъ вліяніемъ чужой литературы. Дальше въ этомъ направленіи идти было некуда. Но жизнь текла своимъ чередомъ, и только лишь наступила эпоха господства централизаціи, какъ тотчасъ же стали обнаруживаться признаки децентрализаціи въ умственномъ отношеніи, признаки раздѣленія общества на части. Централизованная литература дала средства для борьбы ея защитникамъ; они опирались на нее и видѣли въ ней отраженіе всей прожитой жизни русскаго народа. Но ихъ противники вносили новыя начала, противоположныя новой общерусской жизни, которая въ это время стала считаться существовавшей издревле такой, какой ее представляли произведенія XVI вѣка. И эти новыя начала знаменуютъ собой другую идею, проходящую по тѣмъ же памятникамъ XVI вѣка.

Эта другая идея, характеризующая XVI вѣкъ, есть идея освобожденія отъ византійскаго вліянія. Но выраженіе идеи освобожденія жизни и литературы отъ византійскаго вліянія въ памятникахъ XVI вѣка не слѣдуетъ понимать такъ, какъ обыкновенно понимается проведеніе извѣстной идеи въ литературныхъ памятникахъ. Мы напрасно стали бы искать въ Стоглавѣ, Домостроѣ, Четьихъ-Минеяхъ и другихъ идеи сближенія съ западомъ и удаленія отъ Византіи. Наоборотъ, упомянутые и другіе памятники всячески отстаиваютъ старину, а слѣдовательно, противодѣйствуютъ западнымъ вліяніямъ: но это-то отстаиваніе старины и противодѣйствіе новшествамъ и указываютъ, что въ жизни шла борьба между двумя вліяніями и что была партія, стоявшая за старину, а слѣдовательно была и противная партія. Русскій человѣкъ и до XVI и въ самомъ XVI в. всегда воспитывался въ духѣ старины, но никогда еще не было такого возбужденія поддержать старину, какъ въ XVI вѣкѣ, а это, очевидно, было слѣдствіемъ того, что старина начала колебаться и стали входить новшества, виною чему былъ западъ.

Отношенія древнерусскаго человѣка къ западу опредѣлялись двумя условіями—во первыхъ, самой политической жизнью

древней Руси, которая до половины XV вѣка имѣла свою обособленную исторію, и во-вторыхъ—сильнымъ вліяніемъ духовенства, находившагося подъ вліяніемъ Византіи и видѣвшаго въ своей средѣ не мало лицъ греческаго происхожденія. Взглядъ на иновѣрца, какъ на человѣка, котораго должно избѣгать, проходитъ черезъ весь древній періодъ и доходитъ до XVI вѣка. Въ XVI вѣкѣ Артемій обвиняется въ томъ, что онъ латинянъ хвалитъ, да онъ же ѣздилъ изъ Пскова въ новый городъ къ нѣмцамъ и восхвалялъ ихъ вѣру. Артемій оправдывается тѣмъ, что онъ ѣздилъ къ нѣмцамъ спросить, нѣтъ-ли у нихъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы поговорить «книгами»; а хотѣлъ онъ поговорить о томъ, таковъ-ли христіанскій законъ у римлянъ какъ у православныхъ. Соборъ вмѣнилъ Артемію въ вину и эту цѣль: ибо онъ самъ вѣдаетъ, говорилъ соборъ, что наша есть истинная православная вѣра, а латинская вѣра отречена отъ православной святыми отцами и предана проклятію.

Но не смотря на подобнаго рода увѣщанія и наставленія, все больше и больше являлась необходимость сближенія съ западомъ. Въ XVI вѣкѣ сближеніе это увеличивается. Появляются новыя произведенія западнаго происхожденія и дѣлается замѣтнымъ внесеніе въ русскую жизнь новыхъ обычаевъ. Литературные памятники XVI в. громко свидѣтельствуютъ, что новшества стали замѣтны въ русскомъ обществѣ. Къ тому же въ это время продолжается еретическое движеніе, идущее съ болѣе ранняго времени. Еретичество и западничество часто въ представленіи русскаго человѣка соединялись тѣсно: рядомъ съ обвиненіемъ Артемія въ томъ, что онъ латинянъ хвалитъ, стоитъ обвиненіе его въ томъ, что онъ новгородскихъ еретиковъ не проклинаетъ. Лучшимъ людямъ XVI вѣка стала уже ясна опасность отъ надвигавшагося новаго теченія, и они вооружились противъ него со всѣмъ тѣмъ запасомъ учености, какой давала имъ вся древняя русская литература. Прежде всего, самая канонизація святыхъ не могла не имѣть демонстративнаго значенія въ смыслѣ возвеличенія старины, прославленной такимъ большимъ числомъ угодниковъ божіихъ. Стоглавый соборъ уже рѣшительно говоритъ о наступающемъ новомъ порядкѣ вещей. Онъ занятъ

исправленіемъ многихъ нестроеній въ церковной, общественной и семейной жизни, нестроеній, которыя онъ считаетъ пропешедшими отъ забвенія старины. Если бы этимъ только дѣло и ограничивалось, то тутъ не было-бы ничего характернаго: церковный соборъ и обязанъ исправлять церковь на основаніи старыхъ каноническихъ постановленій. Но соборъ видитъ причину нестроеній не только въ простомъ забвеніи старины, но особенно въ новшествахъ, которыя онъ и осуждаетъ какъ проявленіе новаго духа. Отъ разныхъ странъ вошли въ русскую землю злые обычаи, и за это Богъ казнитъ ее.

Стоглавый соборъ неоднократно останавливается на вопросѣ о писаніи иконъ, указывая, что иконы стали писаться по самоволію, и приказываетъ писать иконы съ древнихъ образцовъ. Иконы,писанныя по самоволію, также являлись новшествомъ. Въ связи съ заботами Стоглава о томъ, чтобы иконы писались со старинныхъ руководствъ, находится появленіе упомянутаго выше Подлинника. Чтобы писать иконы со старыхъ образцовъ, нужно было дать въ руки художниковъ правила, а этой потребности и удовлетворялъ Подлинникъ. Теперь, благодаря Подлиннику, фантазія художника окончательно стѣснялась, не было мѣста нововведеніямъ.

Хотя Максима Грека вообще слѣдуетъ выдѣлять изъ числа другихъ дѣятелей XVI вѣка, такъ какъ Максимъ явился къ намъ съ западнымъ образованіемъ и не могъ, поэтому, стоять за старину такъ, какъ стояли за нее русскіе люди, тѣмъ не менѣе, его дѣятельность находится въ тѣсной связи съ постановленіями Стоглава. Осуждая всякаго рода непорядки, Максимъ крѣпко стоялъ за православіе и видѣлъ для него опасность въ нѣкоторыхъ сторонахъ западнаго вліянія, присутствіе котораго онъ ясно ощущалъ. Съ этой стороны онъ и сходился съ лучшими русскими людьми своего времени, и съ этой стороны его сочиненія и имѣютъ значеніе съ указанной точки зрѣнія. И различіе между ними только въ томъ, что, въ то время какъ русскіе люди искали спасенія отъ увлеченія новизной въ старинѣ, Максимъ Грекъ видѣлъ спасеніе въ просвѣщеніи.

Макарьевскія Четьи-Минеи представляютъ намъ грандіозную попытку составить русскую энциклопедію. Та же идея – поддержать старину и удержать русскаго человѣка отъ увлеченія новизной – ясно видна и здѣсь. Нужно воздерживаться отъ чтенія новыхъ книгъ, вносящихъ смуту въ умъ человѣка и ересь въ церковь: но нужно же было въ такомъ случаѣ дать русскому человѣку другія противодѣйствующія книги—и вотъ создаются Четьи-Минеи, гдѣ собрано все, что могла дать старина. Этотъ громадный трудъ былъ вызванъ не желаніемъ сохранить памятники русской литературы отъ уничтоженія — археологическое увлеченіе было чуждо Макарію, какъ и другимъ дѣятелямъ XVI вѣка—но онъ былъ вызванъ желаніемъ идеализировать старину, показать, какое богатство для ума въ ней заключается. Подобно тому какъ Геннадій собираетъ библію для борьбы съ еретиками-жидовствующими, такъ и Макарій своимъ собраніемъ молчаливо борется съ новымъ вѣяніемъ. Мы не найдемъ въ предисловіи къ Четьимъ-Минеямъ осужденія новаго духа, но это самое стремленіе сохранить старину, и не столько, впрочемъ, сохранить, сколько выпукло представить ее реальнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Макарій съ своимъ кружкомъ уже чувствовалъ, что старина начинаетъ шататься.

Тѣмъ же духомъ дышетъ и Домострой. Изслѣдователи спорили о томъ, есть ли Домострой картина нравовъ того времени или идеалъ, къ которому, по мнѣнію составителя, долженъ стремиться каждый человѣкъ. Истина, вѣроятно, лежитъ въ срединѣ. Многое, несомнѣнно, взято изъ жизни. Но для насъ въ настоящемъ случаѣ важно самое появленіе этого памятника именно въ разсматриваемый періодъ. Различнаго рода предписанія, касающіяся домашней и общественной жизни, встрѣчались и раньше: но раньше не было нужды соединять всѣ разрозненныя подобныя предписанія въ одну книгу, не было нужды потому, что семейному и общественному строю не грозила опасность. Но новые обычаи, грозившіе вселить въ умъ русскаго человѣка стремленіе къ «мнѣнію», грозили поколебать основы домашней жизни, въ которой далеко не послѣднимъ было правило «грозою претити и страхомъ спасати». Конечно, болѣе свободное отно-

шеніе членовъ семьи другъ къ другу, надо думать, существовало, хотя бы и не какъ общее правило, и раньше, но не возбуждало опасенія; теперь же русскій человѣкъ приходилъ въ смущеніе. Онъ чувствовалъ, что домашняя жизнь есть начало жизни общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ она такъ тѣсно связана съ послѣдней. Во времена различныхъ опасеній за будущность общества всегда идеализируется старина, а въ XVI вѣкѣ русскій человѣкъ по необходимости долженъ былъ рекомендовать старину, такъ какъ не находилъ ничего другого. Эта идеализація прежде всего выразилась въ самомъ фактѣ собранія разрозненныхъ древнихъ предписаній въ одно цѣлое, подобно тому, какъ то же выразилось въ составленіи Четьихъ-Миней. Но затѣмъ эта идеализація пошла дальше. Нужно и жить такъ, какъ говорятъ эти предписанія. «Аще моего писанія не внемлете—говоритъ авторъ Домостроя—и наказанія не послушаете и по тому не учнете жити и не тако творити, яко же есть писано—сами отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда».

Если бы обратиться къ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, то и она будетъ свидѣтельствовать о началѣ новаго порядка вещей. Такіе дѣятели, какъ Курбскій, какъ игуменъ Артемій—всѣ борятся противъ новизны. Но какъ болѣе передовые люди, они, подобно Максиму Греку, борятся не за цѣлость старины во всей ея полнотѣ, но за православіе. А православію, дѣйствительно, грозила опасность. Кромѣ латинства явилось лютеранство, которое стало привлекать къ себѣ православныхъ Противодѣйствовать ему нужно образованіемъ. Пишетъ противъ протестантскаго ученія и Артемій въ Литвѣ, а въ самомъ Московскомъ государствѣ Парѳеній Юродивый пишетъ Посланіе «противъ люторовъ».

Такимъ образомъ, и историческіе факты и литературныя произведенія ясно свидѣтельствуютъ, что въ половинѣ XVI вѣка въ русской жизни начался переломъ. Только лишь укоренилось сознаніе, что русское царство есть единственное православное, и только лишь греческій источникъ сталъ замѣняться своимъ, древнерусскимъ, и только лишь русская земля въ лицѣ Московскаго государства, стала чувствовать себя единой, какъ въ

обществѣ начинается броженіе. Общество уже дѣлится на двѣ партіи — на защитниковъ старины и увлекающихся новизною. Еще не дошло дѣло до мысли порвать со стариной, но раздѣленіе общества явно совершилось. Это раздѣленіе, этотъ расколъ, не остановился въ одномъ положеніи. XVII вѣкъ, въ его второй половинѣ, представляетъ намъ уже отчаянную борьбу двухъ направленій. Эти направленія въ XVII вѣкѣ переплетаются со многими другими явленіями еще болѣе осложнившейся русской жизни, но расколъ, одно изъ важнѣйшихъ явленій XVII вѣка, ведетъ свое начало отъ указаннаго раскола XVI вѣка. Только переставились роли. Въ XVI вѣкѣ защитниками старины являются передовые люди тогдашняго времени; въ XVII же они дѣлаются сами нововводителями, а роль защитниковъ старины выпадаетъ на долю низшаго слоя тогдашняго общества, Аввакума и другихъ. Въ XVI вѣкѣ составляется Подлинникъ, какъ дополненіе къ постановленіямъ Стоглава, сдѣланнымъ подъ вліяніемъ лучшихъ людей, а въ XVII на тотъ же Подлинникъ ссылается уже Аввакумъ, когда пишетъ жалобы на нѣмецкій способъ писанія иконъ. Сила вещей заставила лучшихъ людей постепенно отказываться отъ прежней точки зрѣнія и признавать, что русская старина не такъ уже безупречна, какъ думали они въ XVI вѣкѣ. Расколъ, ведущій начало изъ XVI вѣка, въ XVII осложнился другимъ расколомъ, который возникъ уже среди самихъ передовыхъ людей, и причиной его появленія было то же западное вліяніе, которое внушало опасеніе въ XVI вѣкѣ. Разница только въ томъ, что въ XVI вѣкѣ это вліяніе выясняется лишь изъ фактовъ противодѣйствія ему, а въ XVII оно уже ясно высказывается. Обѣ стороны сознаютъ необходимость образованія: но тогда какъ одна сторона старается вести его прямо съ запада, другая, продолжая все еще опасаться за цѣлостность религіи и обычаевъ, видитъ его источникъ на востокѣ, въ Византіи. Русская старина ни для тѣхъ ни для другихъ уже не является авторитетомъ. Только лишь для немногихъ, какъ напримѣръ для малообразованнаго патріарха Іоакима, кое-какіе остатки старины кажутся заслуживающими поддержки.

Итакъ, XVII вѣкъ тѣсно связывается съ предшествующими двумя вѣками. Явленія, получившія наибольшую силу въ XVII вѣкѣ, свое начало получили столѣтіями раньше. Но XVII вѣкъ имѣетъ, какъ выше указано, свои особенности, которыя являются для него характерными, и потому даютъ основаніе начинать съ него, собственно со второй его половины, періодъ новой литературы. Если до сихъ поръ, несмотря на то, что борьба византійскаго вліянія съ западнымъ уже происходила въ обществѣ, однако, въ литературѣ мы видимъ пока еще старые образцы, то теперь, съ половины XVII в., въ русскую литературу вносятся и новое содержаніе и новыя формы. Иное содержаніе и не является собственно новымъ, но оно преподносится народу въ новой формѣ, и, будучи уже знакомо, тѣмъ быстрѣе прививается. Выше указано, что первымъ фактомъ является борьба двухъ партій общества изъ-за греческаго или латинскаго образованія, борьба, которая отличается отъ предшествующей борьбы тѣмъ, что освѣженіе русской жизни обѣими партіями признается необходимымъ, и только лишь разногласятъ въ вопросѣ объ источникѣ этого освѣженія. Эта борьба, между прочимъ, стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ общую жизнь русскаго государства втягиваются культурныя силы недавно присоединенной Малороссіи. Малорусскіе дѣятели того времени были гораздо образованнѣе московскихъ, и, втягиваясь въ кругъ общерусскихъ интересовъ, они вносили новое направленіе въ жизнь и литературу. Передовые люди Москвы, благодаря особымъ обстоятельствамъ, подозрительно смотрѣли на малорусскихъ ученыхъ, заподозривая ихъ въ нетвердости православія. Отсюда возникаетъ литературная борьба, часто, впрочемъ, переходящая за предѣлы литературы. Въ этой литературной борьбѣ выказался новый типъ передовыхъ людей, неизвѣстный древней Руси. Рядомъ съ духовнымъ образованіемъ они не чужды и образованію свѣтскому: рядомъ съ проповѣдями они пишутъ стихи, упражняются въ составленіи драматическихъ произведеній. Они являются въ то же время и обличителями раскола, и ихъ дѣятельность переходитъ далеко за XVII вѣкъ.

Второе отмѣченное явленіе—это расколъ, породившій богатую раскольничью литературу. Начавшись въ сферѣ религіозной, расколъ охватилъ всѣ стороны тогдашней жизни, выработалъ свой особый взглядъ на общественную, политическую, семейную жизнь и далъ матеріалъ для полудуховной — полусвѣтской народной литературы. Эта литература во всемъ своемъ составѣ перешла и въ XVIII вѣкъ, замѣнила старыя событія новыми и, постепенно видоизмѣняясь, дошла и до нашего времени. Сказанія объ антихристѣ и концѣ міра, имѣющія свой корень въ XV вѣкѣ, преобразившись подъ перомъ раскольника-грамотея, перешли въ народную массу и до сихъ поръ живутъ въ устахъ народа. Раскольничья литература не можетъ быть устраняема изъ обозрѣнія литературы XVII вѣка, такъ какъ въ случаѣ ея упущенія останется очень существенный пробѣлъ.

Третьимъ главнымъ фактомъ въ литературѣ XV вѣка является наплывъ новой повѣствовательной литературы. Повѣствовательная литература существовала у насъ и до XVII вѣка, но ея источникомъ служила, за немногими исключеніями, литература византійская. Теперь, въ новой литературѣ открывается русскому человѣку рыцарскій бытъ средневѣковой Европы. Эта литература находитъ себѣ быстрое распространеніе и, главнымъ образомъ,—въ среднемъ сословіи. Въ этомъ ея отличіе отъ вторичнаго наплыва западной литературы въ XVIII вѣкѣ, когда послѣдняя сдѣлалась достояніемъ высшаго и образованнаго средняго классовъ общества и тѣмъ самымъ рѣзко раздѣлила ихъ отъ простого народа, который получилъ въ наслѣдство повѣствовательную литературу XVII вѣка отъ средняго сословія и ей пробавлялся и частью пробавляется и до сихъ поръ.

Наконецъ, является и театръ.

Ученая литература по разсматриваемому періоду въ настоящее время значительно разрослась. Но при знакомствѣ съ этой литературой по первому явленію не можетъ не поразить одно обстоятельство. Мы какъ будто-бы присутствуемъ при переживаніи борьбы западниковъ и восточниковъ въ концѣ XVII в. И въ ученой литературѣ мы видимъ сочувствіе то той, то другой партіи. Одни вполнѣ сочувствуютъ братьямъ Лихудамъ, стараясь вы-

ставить ихъ въ наилучшемъ свѣтѣ и обвиняя ихъ противниковъ, особенно Сильвестра Медвѣдева; другіе, напротивъ, относятся къ Лихудамъ и къ ихъ сторонникамъ крайне непріязненно и пишутъ цѣлую апологію и панегирикъ Сильвестру. Причина такого нѣсколько пристрастнаго отношенія къ дѣлу лежитъ въ продолжающемся еще до сихъ поръ различномъ отношеніи къ западу. Крайній западникъ, конечно, съ любовію остановится на Симеонѣ и Сильвестрѣ, видя въ нихъ первыхъ борцовъ за водвореніе западныхъ наукъ и просвѣщенія, хотя-бы все это было и въ несовершенномъ видѣ. Лица строго православные, съ славянофильскими наклонностями, наоборотъ, примутъ подъ свою защиту Лихудовъ и ихъ единомышленниковъ, какъ истинно православныхъ людей, старавшихся удержать русскихъ людей отъ новшествъ въ сферѣ религіозной. Нужно имѣть въ виду, что сторонники того и другого направленія въ XVII вѣкѣ не отличались полной безукоризненностью; поэтому, легко придти къ отрицательнымъ результатамъ, если разсматривать только однѣ отрицательныя стороны тѣхъ и другихъ. Но нужно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ людьми XVII вѣка, которые, будучи, несомнѣнно, убѣждены въ правотѣ своего дѣла, не считали зазорнымъ для себя прибѣгать и къ небезукоризненнымъ дѣйствіямъ. Люди прошедшаго времени должны быть судимы тѣмъ судомъ, которому они подсудны.